

ЭЛЬМИРА АХУНДОВА

***Опаленный «шестидесятыми», или
«Таинственная страсть» Эльчина***

У вполне благополучного в начале творческого пути писателя – Василия Аксенова, ставшего на исходе советской власти диссидентом, есть роман под названием «Таинственная страсть». Он посвящен кумирам шестидесятых – Роберту Рождественскому, Андрею Вознесенскому, Владимиру Высоцкому и другим – которые сопротивлялись власти или поддавались ей, верили в идеалы или предавали их, любили, ошибались...

И, несмотря ни на что, творили, потому что жажду творчества невозможно убить никаким режимом. Вот эту жажду творить, порой даже вопреки, писатель называет «таинственной страстью».

... Я недаром вынесла в заголовок слово «шестидесятые». Ибо именно Эльчин, хотя и был младше остальных по возрасту, является ярчайшим представителем «шестидесятничества» в Азербайджане – уникального, бунтарского по своей сути явления. Никакой режим, никакие, самые суровые, реалии, никакие «руководящие установки» не могли бы заставить Эльчина изменить своим эстетическим принципам и сделать его конформистом. И потому все его произведения, от первых юношеских рассказов конца 60-х годов XX века до последних зрелых произведений периода независимости представляют собой цельную художественную систему, не подверженную конъюнктуре времени.

При этом, что самое удивительное, жизнь Эльчина по своим внешним параметрам складывалась вполне благополучно. Молодой ученый, затем секретарь Союза писателей Азербайджана в советские годы, председатель Общества культурных связей с соотечественниками, проживающими за рубежом, депутат Верховного Совета Азербайджана и наконец вице-премьер правительства страны, курирующий всю гуманитарную сферу... Однако параллельно с этими этапами стремительного карьерного восхождения внутри самого писателя непрестанно кипела напряженная внутренняя работа, та самая «таинственная страсть», которая, к счастью, никогда Эльчина не покидала. И все, что выходило из-под пера талантливого прозаика и драматурга, было, в хорошем смысле слова, «вне времени и пространства», то есть написано не на злобу дня, пусть даже самую актуальную, а на темы нетленные, вечные, шекспировского, так сказать, масштаба. В произведениях Эльчина и в советскую эпоху, и много позднее всегда было что-то диссидентское, такое, что не укладывалось в прокрустово ложе социалистического реализма. Это касалось и выбора тем для повестей и рассказов, и самой стилистики, самой ткани повествования.

Собирая материал для своего многотомника «Гейдар Алиев. Личность и эпоха» и беседа с Эльчином, я спросила его, как так получилось, что в 70-е годы XX столетия, несмотря на суровую для «шестидесятников» брежневскую эпоху, когда повсюду закручивались гайки, а многие советские писатели предпочитали сами или под давлением эмигрировать за рубеж, в Азербайджане публиковались крамольные вещи, и при этом ни один литератор не пострадал, не был выслан, посажен в психушку и пр.

Вот каков был ответ Эльчина:

– «Парадокс заключается в том, что самым первым и зачастую невидимым защитником, если хотите, покровителем азербайджанских «шестидесятников» был партийный руководитель Азербайджана Гейдар Алиев. Мне известный российский критик Лев Аннинский как-то говорит: «Вы чего в республике делаете? Вы себе позволяете печатать в своих журналах крамольные вещи!»

– Однако бытует и другое мнение, особенно среди молодых литераторов, о том, что азербайджанская, как и в целом, советская творческая интеллигенция, вышла из «шинели Сталина» и была генетически заражена бациллами страха. Она и писала только о том, о чем ей разрешали писать.

– Это в корне ошибочное суждение. Не знаю, как в других республиках, но в Азербайджане не было диссидентской литературы, в основном, потому, что все свои вещи мы печатали. Многие из тех произведений, которые мы публиковали с молчаливого согласия Гейдара Алиева в журнале «Азербайджан», не смогли бы появиться в московских журналах, ибо их посчитали бы диссидентской литературой».

Я безмерно уважаю Эльчина за его «таинственную страсть», за его многолетнюю верность идеалам шестидесятничества, за его бескорыстное служение Слову... А такое Слово, как известно, пребудет вечно!

... Свои зарисовки о творчестве Эльчина я стала писать как-то незаметно для себя, повинувшись исключительно вдохновению. Не претендуя на глубокий анализ, на фундаментальность литературоведческого подхода. Однако искренняя похвала маститого прозаика, обмолвившегося однажды, что «в твоём лице, Эльмира, азербайджанская литература приобрела хорошего публициста, но потеряла не менее талантливого литературного критика», подвигла меня продолжать эти зарисовки и вообще вернуться к жанру литературных рецензий. Так появилась серия статей о разных ипостасях творчества того, кто столь близок мне по духу, по мироощущению, по преданности литературным идеалам нашей молодости. Одну из недавних я хочу предложить читателям «Литературного Азербайджана».

Мне отмщение и аз воздам

Размышления по прочтении нового романа Эльчина «Голова»

Эльчин не из самых плодovitых писателей. Я имею в виду прозу, потому что пишет он в самых разных жанрах и в последнее время все более тяготеет к драматургии. Только в этом году пьесы Эльчина были поставлены в театрах Стамбула, Санкт-Петербурга, Лондона, в Италии и даже на Бродвее в США. Это, конечно, огромный успех! Вместе с тем, за всю долгую – более полувека! – творческую жизнь из-под его пера вышло всего три романа. Зато каких! И «Махмуд и Мариам», и «Белый верблюд», и «Смертный приговор» стали событиями не только в азербайджанской литературе. Посвященные трагическим событиям нашего далекого и недавнего прошлого, эти произведения переиздавались бесчисленное количество раз в самых разных странах, обрели большую читательскую аудиторию, а зачастую и блистательное экранное воплощение.

И вот, наконец, новый, долгожданный роман «Голова». Роман, горячо встреченный поклонниками творчества этого маститого азербайджанского писателя. О романе сегодня спорят в литературных кругах, дискутируют на культурологических сайтах,

пишут целые исследования. Он никого не оставил равнодушным, и это – показатель настоящего успеха в пору, когда писатели давно перестали быть властителями дум и законодателями моды в современном обществе.

Формальный сюжет романа – завоевание Российской империей Закавказья в конце XVIII – начале XIX века. В романе присутствует широкий геополитический фон, а именно: борьба между великими державами – Францией и Великобританией, Россией и Османской Турцией, а также иранскими правителями Каджарами за сферы влияния, и параллельно с этим – борьба за выживание мелких грузинских царств и азербайджанских ханств в Закавказье.

Но это именно формальная, внешняя канва романа, созданного, несомненно, в лучших традициях реализма XX века. Куда важнее его внутренние коллизии, отражающие самый сложный и противоречивый спектр человеческих взаимоотношений и эмоций. Да, в художественном пространстве романа сосуществует много исторических персонажей – ханы, шахи, русские императоры и российские полководцы, здесь отражены вполне достоверные и узнаваемые образы правителей Северного и Южного Кавказа. Здесь нет искажения исторических реалий и можно только восхищаться эрудированностью автора, столь глубоко постигшего события нашей далекой истории. В то же самое время роман «Голова» нельзя назвать в полном смысле слова историческим, ибо всё – и размышления главных героев, и подоплека их поступков, и даже эпистолярная часть романа (в частности, переписка князя Цицианова со своим вымышленным другом, графом Тимофеевым-Богоявленским) – Оявляется плодом художественного воображения автора.

Вот что пишет об этом в коротком предисловии сам писатель:

«Часть персонажей этого романа – исторические личности, но не стоит искать исторической достоверности в каждом эпизоде и в целом на каждой странице произведения, исторические личности в этом романе – теперь всего лишь «герои автора», увиденные автором, оцененные им...»

Оценка эта, надо заметить, очень личностная и весьма субъективная. А образы исторических персонажей предстают в изображении Эльчина порой в весьма неожиданном ракурсе, во всяком случае, совсем не такими, какими мы представляли их по учебникам и энциклопедиям. На мой взгляд, в романе вообще нет положительных или отрицательных героев. У каждого своя правда: у Гусейнгулу-хана, озабоченного судьбой Бакинского ханства – своя, у его пылкого племянника Махмуд-бека, одержимого идеей единения всех тюрков и страстно ненавидящего русских и иранских завоевателей – своя. Своя правда и у князя Цицианова, верного служачи царя, выходца из Грузии, потомка старинного рода Цицишвили, тем не менее прошедшего по родной Грузии, так же как и по Азербайджану, огнем и мечом.

Князь Цицианов мыслит глобально, вопросами мирового порядка. И для него главное – державные интересы великой Российской империи, которой он служит искренне и преданно.

«Он, генерал от инфантерии, князь Павел Дмитриевич Цицианов, служил не лично императору Александру, точно так же, как не служил лично незабвенной Екатерине – она называла его «мой генерал», не служил и несчастному Павлу, он всегда служил России, и, думая об этом, ощущал внутреннюю гордость, всё, что он совершал с помощью своего меча, делалось от всего сердца, делалось с любовью, ради интересов Российской империи, он только исполнял свой долг – долг русского офицера. Он не нашёл времени, возможности жениться, обрести семью, все его мысли и пристрастия сконцентрировались в высоком, державном мече, что он прочно удерживал в руке».

Образ Цицианова, смелого, мужественного воина, готового отдать жизнь ради интересов России, безмерно озабоченного ее будущим, – одна из самых больших удач писателя Эльчина. Все остальные образы, пожалуй, кроме грузинской царицы Марии, кажутся не столь значительными, проигрывают в силе и мощи описания образу этого российского генерала.

Впрочем, я, пожалуй, неправа. В романе немало интересных образов русских офицеров, будь то генерал-майор Лазарев, или капитан Сухарев, выписанных Эльчином очень объемно, во всех противоречиях и сложностях их неординарных натур. Столь же неоднозначны и объемны образы персонажей «по ту сторону» фронта: азербайджанцы Махмуд-бек и Молла Музаффар, Гаджи-Мухтар и Лал Гафароглу. Каждый образ – целый мир, со своими страстями, чувствами и привязанностями. Они цепляют тебя за душу, запоминаются, не оставляют тебя в покое и после прочтения романа.

... Основная доминанта, главная движущая сила, мотив поступков большинства героев романа – это борьба за личную власть. Борьба, в которой брат не щадит брата, а отец – собственного сына. Горькие слова о междоусобицах среди тюрков, которые говорит Махмуд-беку Молла Музаффар, отражают заветные мысли автора:

«Но разве сами тюрки дружны меж собой? Когда ты предашь мечу всю массу людей на земле, разве тюрки больше не станут уничтожать друг друга? Разве Амир Тимур не был чистым тюрком? Что он сотворил с Баязитом, даже добился, чтобы плененного султана привезли к нему в железной клетке. А кем был сам Султан Баязит? Тюрком! Разве Узун Гасан, заключивший союз с Венецией, не был настоящим тюрком? Борясь с османами, он воспользовался помощью Иоганна, даже женился на его дочери. А тюрк Мираншах и казнивший его сына Кара Юсиф? А кем были Ибрагим и Сеид Ахмед, вступившие в союз с царём Константином против того же Кара Юсифа? Настоящие тюрки!

Надир шах пошёл войной на Азербайджан, сжёг дотла такой райский уголок, как Шеки, а всё потому, что Гаджи Челеби не подчинился ему! Кем были Надир, Гаджи Челеби и все остальные? Чужаками или тюрками?! Почему? Отчего тюрки изничтожали друг друга?..»

Поэтому когда Цицианов в письмах к другу, графу Н.А.Тимофееву-Богоявленскому, пишет о вероломстве азербайджанских ханов и грузинских князей, он ведь в чем-то прав. Именно эта раздробленность, это взаимное неприятие и козни привели Северный Азербайджан к потере своей относительной независимости и подчинению Российской империи.

И думая о ситуациях и коллизиях стародавних времен, мы поневоле сопоставляем их с днем сегодняшним, находя в нем схожие моменты и с горечью ощущая, что совсем немного изменилось с тех пор. Ведь та же ситуация повторилась спустя сто лет, когда Азербайджан, Грузия и Армения, обретя независимость, но ослабив друг друга территориальными конфликтами, потеряли ее всего спустя два года. И потом схожий сценарий едва не повторился в начале 90-х годов XX столетия, когда внутренние раздоры вкупе с притязаниями армян на наши земли поставили Азербайджан перед угрозой расчленения и утраты большей части территорий. Роман ненавязчиво, исподволь предлагает вспомнить уроки истории и сделать соответствующие выводы.

* * *

В книге много натуралистических подробностей – казни, отрубание голов, истязание пленных, много насилия, роман жесткий, даже жестокий, как жестоко было время, описываемое в произведении (впрочем, разве современный мир с его разгулом средневекового терроризма и массовыми казнями менее жесток?). В то же время язык ро-

мана тягуч и напевен (роман вышел на русском языке в прекрасном переводе Азера Мустафазаде), повествование течет неспешно, а все внешние события, увиденные глазами главных героев произведения и отраженные в их сознании, так или иначе обретают субъективную окраску. И ты уже не в силах различить, кто из героев жертва, а кто злодей, кто грешник, а кто праведник. Столько всего намешано в характере каждого из них – любовь и коварство, жестокость и милосердие, великодушие и подлость, что ты теряешься в оценках, ты жалеешь и жертву, и палача, и хана, и самого ничтожного из его подданных. Ибо каждому из них в этой земной жизни суждено взойти на свою Голгофу.

Роман населен запоминающимися образами простых людей, попавших под жернова сильных мира сего, такими, как Дочь Рыжего Чабана, или конокрад Джафар, или верный слуга Гусейнгулу-хана Лал Гафароглу. Каждый образ – как отдельный сюжет, как роман в романе. Жизнь каждого из них оканчивается трагически. А вина заключается лишь в том, что они слишком близко подошли к своим повелителям и, подобно солонкам, их унес водоворот событий. Помните знаменитое «лес рубят, щепки летят»? Но разве не теми же щепками, подчиняющимися неумолимому ходу царицы-истории, являются все эти ханы, цари, шахи, полководцы? Вольно или невольно, защищая свой трон или интересы своей империи, они сеют вокруг себя смерть, пожиная в результате ту же смерть и насилие. Проклятие Агабегим-ханым – супруги Фатали-шаха, потерявшей в одночасье всю свою гарабахскую родню, которую перерезали русские солдаты (*21 июля 1806 года начальник Шушинского гарнизона майор Дмитрий Тихонович Лисаневич с отрядом в 200 солдат, окружив летнюю резиденцию Гарабахского хана Ибрагим Халила, удостоенного императором Александром I звания генерал-лейтенанта, в ханском саду в четырех километрах от Шуши предал смерти хана, его жену, детей и слуг – всего 21 человека – Э.А.*), проклятье, которое в конце романа она адресует русскому царю, исполнилось спустя ровно сто лет, в Екатеринбурге. Круг замкнулся, история Российской империи закончилась гибелью царской семьи.

* * *

Особняком стоит образ Головы, отчлененной от тела, но не потерявшей способности мыслить. Более того, Голова получила способность обозревать не только прошлое и настоящее, но и будущее. И в этом будущем, как она ни пытается, смысла разглядеть не удастся. В чем же он, смысл этой жестокой, ужасной, но такой прекрасной жизни? Не найдя ответа, Голова уносится в вечность. Быть может, там, в вечной жизни, она, наконец, найдет ответ на этот сакраментальный вопрос, волнующий человечество со дня сотворения мира. А может, и там не найдет?

Мы расстаемся с новым романом Эльчина с сожалением, взбудораженные, оглушенные, взволнованные. Мир образов, созданный творческим воображением мастера, столь же отталкивающий, сколь и притягательный. И мы будем возвращаться к нему вновь и вновь, пытаясь найти ответы на вопросы, которые поставил перед нами писатель. Увы, автор романа «Голова» нам в этом деле не помощник. Эльчин не предлагает никаких рецептов спасения человечества, он не преподносит никаких уроков. Он просто говорит нам о том, что надо внимательнее всматриваться в свое прошлое, знать его, помнить о нем, чтобы не потерять свое будущее и не повторить трагических ошибок дедов и прадедов. И только в этом состоит оптимистическая доминанта, пожалуй, самого пессимистического романа выдающегося азербайджанского прозаика.